

ную фигуру. Он остановился и молча указал на нее Сидорову. Бойцами мгновенно овладело беспокойство: «Это он... Не упустить бы!».

Жаль, нет у них винтовок. Если это действительно враг, его легко не возьмешь. Бойцы понимающе переглянулись. Петренко указал на пару гранат, подвешенных к поясу. Одну из них передал Сидорову. Оставив бак (дьявол с ней, с водой-то!), бесшумно поползли к загадочной фигуре. Вот она уже отчетливо вырисовалась: мужчина. Он стоял вполоборота к бойцам, слегка наклонившись над зеленой сумкой — «авоськой». Высокий, худощавый, лицо бритое, морщинистое; короткие седые, ежом, волосы. Петренко решил, что это учитель, Сидоров принял его за бухгалтера. Шопотом обменялись первыми впечатлениями. Заметили на камне около старика несколько удилищ... Так вот оно что! Рыболов! Как видно, улов в сумке подсчитывает!.. Всё же решили подползти поближе. Старик тем временем еще ниже склонился над «авоськой», почти спрятал туда свое морщинистое лицо... Чего он ворчит? Слова какие-то мудреные, не похожие на наши, и говорит быстро, без передышки — так рыбу не считают. Наконец старик поднял голову, посмотрел по сторонам, закурил папиросу и стал сматывать удочки.

— Руки вверх! — приказал Петренко, выскочив из кустов с гранатой в руке. Подбежал и Сидоров. Они прижали к камню добродушно улыбающегося старика.

— Экие вы петухи, — не поднимая рук, сказал он спокойно. — Робкого человека до смерти напугать можете!..

— Тебе говорят: руки вверх! — повторил команду Петренко. — Не то стрелять буду...

— Стрелять-то чем? Гранатой... Сами еще взорветесь. — И старик протянул руку к гранате Сидорова.

— Не трожь, гражданин! — прикрикнул Петренко.

— Да что вы, товарищи красноармейцы? В своем ли уме?! Напасть средь бела дня на мирного человека... Если вы переодетые бандиты или мародеры, тогда скажите, что вам надо?! Деньги? У меня же ломаного гроша нет. Хотите отобрать удочки или «авоську» — сделайте одолжение... — Старик протянул бойцам и удилища и зеленую сумку.

Красноармейцы растерялись. Нет ничего особенного в этом старичке, разве глаза, — взгляд какой-то тяжелый, неприятный. Шпионы, диверсанты представлялись им в другом свете. В каком — сказать не могли бы, не знали: до сих пор в жизни живого шпиона не видели.

Петренко потребовал от старика документы, тот охотно предъявил их, похвалив бойца за бдительность.

— Мне такая бдительность особенно по душе: я ведь сам усиленно насаждаю ее среди здешнего гражданского населения.

Петренко раскрыл депутатский билет: депутат и заместитель председателя местного городского Совета товарищ Океановский Валентин Викторович... Печать, фотокарточка установленного образца, две подписи...

— А вот мой партийный билет... Нет, в руки не берите! У нас этого не положено. Это дороже, чем гранаты, до которых вы не позволили мне дотронуться... Взгляните сюда! — Старик раскрыл партийный билет. — Обратите внимание, сынки, на мой стаж: он, пожалуй, равен вашему возрасту — с 1921 года...

И снова всё было правильно: подпись, печать, фотокарточка...

— А рыбу удить я большой любитель. Не прогуляюсь зорькой к речке, не подышу утренним лесом — целый день сам не свой, работник уже не тот...

— Всё! — прервал старика Петренко. — Пойдешь

с нами. Штаб недалеко — в избе лесника. Там лучше нас во всем разберутся.

Старик рассвирепел. Он не находил слов, чтобы выразить негодование. Это же больше чем неуважение к возрасту, служебному положению, партийному стажу... Отлично! Он пойдет в их штаб и добьется от командира, чтобы бойцов наказали за неслыханное самоуправство и насилие над личностью. Правда, эта канитель, к сожалению, сорвет у него утренний прием трудящихся... Ну что ж! Тем хуже для некоторых.

— Не пугайте, — невозмутимо кинул Петренко. — Тронулись! Погодите, вы сумку обронили...

— А, к чорту ее, — зло отозвался старик, но сумку взял, когда ее поднял Сидоров.

Невольные спутники молча шагали в глубь векового леса.

Сидоров готов был провалиться сквозь землю от всей этой кутерьмы. Он был убежден, что они ошиблись, зря побеспокоили, обидели заслуженного, большого человека. Непонятно, что это стряслось с Петренко, почему он вдруг так заупрямился?

Неважно чувствовал себя и сам виновник «зава-рухи» — Петренко. Документы и у него не вызывали сомнений, а вот сердце почему-то не сдавалось, оно сильно билось и словно сигнализировало: «Он, он, он, он!..»

* * *

Когда Океановского привели в штаб, произошел конфуз:

— А, старый знакомый! Мое почтение. Валентин Викторович! — душевно воскликнул начальник штаба. — Какими судьбами в нашу берлогу?

Начштаба Веселов познакомился с Океановским на деловой почве, не раз бывал у него в служебном кабинете

я не раз пользовался его покровительством при получении материалов, необходимых для своей части.

Океановский тотчас с нескрываемым возмущением стал объяснять причину своего невольного появления в штабе.

Петренко побагровел, потупил глаза. Нечего сказать — поймал шпиона! И задаст же командир, что называется по первое число, разделает под орех, осрамит перед всей частью. Но что делать с сердцем?! Оно настойчиво выстукивает: «Он, он, он, он...» Как доказать свою правоту?

Старик продолжал сетовать на бойцов, на их невоспитанность, бестактность, грубость...

Начштаба, не дослушав Океановского, резко предложил Петренко выйти. Петренко сделал робкую попытку оправдаться.

— Красноармеец Петренко, не заставляйте напоминать устав!

— Есть, товарищ начштаба, не заставляйте напоминать устав! — отчеканил Петренко. Козырнул, круто повернулся и вышел из штаба.

Выйдя из штаба, он бросился разыскивать комиссара. Обида ли, боязнь ли упустить врага, а возможно и сочетание двух этих чувств подействовали на Петренко. Ему разом сделалось ясно, зачем «колдовал» старик над «авоськой», почему пытался ее «потерять»... А эти слова на незнакомом языке! Рассказывал же бойцам комиссар, что на днях в прифронтовой полосе политрук одного боевого подразделения в противогазе прохожего оборванца обнаружил радиостанцию. Оборванец оказался крупнейшим лазутчиком...

Едва Петренко взволнованно закончил рассказ, комиссар сказал:

— Молодец, Петренко!

— Служу Родине, товарищ комиссар...

Они вошли в штаб в тот момент, когда начштаба благодарил Океановского за пишущую машинку «Ленинград», которую тот обещал выделить ему из запасов Горсовета.

Молча подняв с пола зеленую сумку, комиссар осмотрел ее. Там оказалась радиостанция, искусно вмонтированная в самое дно.

— Обыскать! — приказал комиссар, кивком головы указывая Петренко на опешившего старика.

— Есть обыскать!

Тщательный обыск новых данных не дал. Однако достаточно было и первой находки.

— Давно «работаете»? — сурово спросил комиссар.

— Я вас не совсем понимаю, товарищ начальник! — обиженным тоном сказал старик. — О какой работе вы говорите?

Да, он видит эту досадную чертовщину, которую комиссар именует радиостанцией. Возможно, это в самом деле радиостанция. В этом вопросе подвергать сомнению компетенцию начальника у него нет оснований. Однако всё несчастье заключается в том, что он любит утренние прогулки и рыбную ловлю. Не будь этого, он не нашел бы сегодня в лесу эту дрянь... Он клянется совестью коммуниста, что говорит правду... Пусть спросят всех его товарищей, пусть допросят весь город, где его знают от мала до велика, — никто и никогда не видел у него в руках эту поганую сумку. И зачем только он на нее польстился?! Весьма возможно, что враг во время вчерашней облавы бросил ее.

Комиссар начал колебаться. Доводы Океановского произвели на него впечатление своей логикой и здравым смыслом. От Петренко это не ускользнуло. Не ускользнуло и то, что собственное сердце тоже начало сдавать; его тоже цепко опутала словесная паутина старика, оно не выстукивало больше: «Он, он, он...»

В самом деле, почему не может быть так: кто-то бросил сумку, а он, старик, нашел ее и рассматривал, сунув туда нос. А чужая речь? Может быть, это только послышалось!

И всё же комиссар еще не сдавался.

— Прошу извинить меня, — обратился он к старику, — вам всё же придется зайти на несколько минут к особоуполномоченному... Это по его специальности... Проводите, Петренко, товарища...

— Вот как! Значит, вы всё-таки мне не верите? Это вам так не пройдет! — гневно сказал Океановский и, выходя, хлопнул дверью. За ним поспешил Петренко.

Комиссар и начштаба вопросительно посмотрели друг на друга.

* * *

Следователь Захаров сравнительно легко определил, что дело Океановского является делом необычным. Осложняло работу еще одно обстоятельство: спешка — следствие надо закончить немедленно, этого требует военная обстановка...

Захаров объявил Валентину Викторовичу, что он временно задерживается, что по существующим правилам к нему будет приставлена охрана... Нет, нет, это не арест, но всё же... Другого выхода при создавшихся обстоятельствах быть не может.

За короткий срок Захаров дважды приглашал к себе Океановского, но, вместо допроса, которого ожидал тот, ограничивался мягкой беседой на посторонние темы. Третья встреча ознаменовалась острой словесной перепалкой.

Следователь вызвал для очной ставки Петренко.

— Сделайте одолжение, избавьте меня от встречи с грубияном, — попросил Океановский. — Вся моя жизнь —

служение великому делу революции, весь мой долгий жизненный путь освещен лучами, возможно, маленького, но искреннего уважения ко мне окружающих. И вот, в самое грозное и ответственное время для Родины, когда каждый мускул напряжен, каждая капля крови зовет к действию, к мести проклятому врагу — в это самое время на моем пути появляется дерзкий мальчишка. Ни с того ни с сего он заносит над седой головой меч...

— ...правосудия? — Следователь пристально посмотрел в черные глаза Океановского: они горели неподдельным гневом.

— Если, товарищ следователь, советское правосудие и самоуправство рядового солдата, да еще, вероятно, не слишком грамотного — одно и то же, тогда... Но я лучшего мнения о советском правосудии и лично о вас, хотя вы и доставляете мне большие неприятности...

— Благодарю вас и за себя и от имени нашего правосудия, — ответил следователь, сильно подчеркнув слово «нашего».

— Приступим к делу, — вздохнул Океановский, — не забывайте, мы оба с вами получаем зарплату и едим народный хлеб, который так дорог теперь...

— Относительно дела должен сказать: тщательные обыски вашей квартиры и вашего служебного кабинета ничего не дали. У вас блестящие отзывы, и прошлое ваше безупречно... Словом, всё как будто в вашу пользу...

— Почему же «как будто»?

— Потому что пока я в этом не уверен.

— Вот что значит профессия! Без подозрения ваш брат шага ступить не может...

Следователь продолжал, не обращая внимания на последние слова Океановского:

— Никто вас с зеленой сумкой никогда не видел.

Я даже отыскал людей, которых вы приглашали с собой удить рыбу, собирать грибы... Вы, оказывается, любите и по грибы ходить!

— Совершенно верно... очень люблю!

— Так вот, они тоже не видели вас с этой сумкой...

— Что же еще надо?! Может быть, прикажете головой о стенку удариться, чтобы убедить вас?..

Следователь не обратил внимания на иронию:

— Нет, этого пока не надо... Есть всё же некоторые факты, которые против вас...

— Именно?

— Факт первый: странно, что вы нашли сумку, тогда как наши разведчики, прочесывая лес, не заметили ее...

— Я тоже никогда не нашел бы, если б искал. Я рыл в этом месте землю, добывал червей... Это, надеюсь, для вас убедительно?

— Буду объективен: ваши соображения не лишены некоторого смысла.

— Они правдивы и, следовательно, безупречны.

— Предположим. Объясните тогда, о чем вы «колдовали» над «авоськой» и на каком языке?

— Объясню. Только заранее предупреждаю, будете смеяться над стариком... Дело в том, что я сызмальства привык наедине разговаривать с самим собой. Пойдешь ли, скажем, на рыбалку или по грибы, ходишь-бродишь. И вот возникает желание поговорить, поболтать. Иногда болтаешь со смыслом, а больше всего — просто так, что на ум придет, придумываешь всякие слова, стишки, какие-нибудь словосочетания. Я даже придумал своеобразный примитивный «шифр», которым иногда в шутку пользовался. Дурачился я этим «шифром» и на этот раз. Я даже хорошо помню, что говорил... Сумляра кальяра зельяра енляра альяра яльяра, сумляра кальяра несляра часляра тналяра яльяра, ктоляра жельяра польяра кильяра нульяра, дельяра ткаляра, тельяра

бляляра... Надеюсь, обратили внимание на подчеркнутое. Сложите это и получите: сумка зеленая, сумка несчастная, кто же покинул, детка, тебя... Глупо, сознаюсь, но от факта не уйти...

— Согласен — забава не для взрослых. Однако Петренко утверждает, что вы завершили свое «колдовство» словами: «Ах, Федер Зенин!».

— Он лжет...

— А может быть, не совсем точно передает слова, передает их на русский манер... Ради чего ему лгать?

— Орден зарабатывает...

— На крови врага?

В глазах Океановского метнулся еле уловимый беспокойный огонек, мускул щеки нервно вздрогнул. Он промолчал и отвернулся. Следователь пристально рассматривал его сухую, жилистую шею, седые торчащие волосы, синюю, линялую косоворотку, коричневый, в елочку, костюм.

— Петренко — простой человек, высшего образования не имеет, это верно, — задумчиво продолжал следователь. — Но верно и другое: он честный человек и не способен на преступление. Петренко приводит даже такую деталь; вы дважды произнесли прощальную фразу и отклонялись своему далекому слушателю...

— Экая бурная фантазия! У меня даже появилось желание лично послушать этот возмутительный бред...

— С этой целью я и пригласил Петренко.

Вошел Петренко. Выслушав его рапорт, следователь объявил очную ставку начатой. Однако Океановский потребовал присутствия Сидорова — второго бойца, принимавшего участие в его задержании.

— Странно, почему вы опираетесь только на Петренко, гражданин следователь? Не придерживается ли второй боец иной позиции? Они оба наблюдали за мной, оба подслушивали, одновременно подскочили —

пусть же оба присутствуют здесь, на этой важней очной ставке.

— Согласен, это ваше право!

— Этого требует истина, — резко сказал Океановский.

Его надежды в какой-то мере оправдались. Выслушав, по предложению следователя, тарабарщину Океановского, Сидоров заявил:

— Вроде похоже...

На вопрос следователя, не слышал ли он из уст задержанного такие, например, слова: «Ауф видер зейн», Сидоров, не задумываясь, ответил отрицательно.

Таким образом, очная ставка не только не помогла, но основательно повредила следствию. Захаров вынужден был отпустить бойцов. Океановского же он не освободил. Не сказав ему ни слова, он позвал бойца из конвойного взвода и приказал отвести задержанного. Океановский заявил решительный протест.

— Я хочу, чтобы вы, товарищ следователь, внесли полную ясность в мое положение... Дальше терпеть унижений не желаю!

— Прошу еще немного повременить. Я принимаю все меры...

— Я хочу продолжить с вами разговор один на один. Прикажите бойцу удалиться...

Следователь согласился. Он искал новых путей к истине, но пока их не находил. Пусть старик поговорит, многословие подозреваемого иной раз помогает: человек может проговориться незаметно для себя.

— Я вас слушаю, — мягко сказал следователь.

— Давайте поговорим, товарищ следователь, по душам, поговорим, как коммунист с коммунистом и как деятель гражданского ведомства с деятелем военной власти... Мне кажется, что вы не понимаете, какое чините зло...